

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ШОССЕ

Из книги: Иван Катаев "Сердце", "Советская Россия", М. 1980.

Хоронили старика Савву Пантелеева.

Старик помер не вовремя, в канун Первого мая, в ночь на страстную субботу; два праздника, старый и новый, в этом году пришлось на один день. Едва успели заказать гроб, - мастер взялся представить к завтраму только по знакомству, благо заведение его было совсем рядом, по этой же стороне Ленинградского шоссе: пантелеевский домишко в четыре окна, потом трактир государственного треста, потом "Продажа овса и сена", и уж тут бойкая белая вывеска: "Торговля разными гробами и венками". Старуха Пантелеева успела сбегать и на ту сторону шоссе, к кладбищенскому батюшке. Савва не раз и не два последние годы ей наказывал: ежели что - хоронить по-церковному. Да ей и самой хотелось, чтобы было пристойно, тихо, хорошо, - как раньше, как всю жизнь провожала в могилу детей, родственников, соседей. С батюшкой уговорились отпевать и хоронить на второй день праздника.

Помер старик Савва от волнения.

Всю зиму не давал ему покоя жилец из-за кухонной комнаты, гражданин Адольф Могучий, известный автор эстрадных куплетов и профсоюзных стишков. Все грозился расторгнуть договор Пантелеевых на аренду дома и прекратить злостную эксплуатацию двоих жильцов в размере пятнадцати рублей помесечной платы с каждого. С нового года, в знак протеста против кабалы, Могучий перестал платить вовсе. После трехмесячных бесплодных переговоров и мучительного раздумья Савва вчинил иск о выселении. Суд в выселении отказал, посчитавшись с документами о заслугах Адольфа Могучего на фронтах искусств, но деньги предложил уплатить и взыскал с ответчика судебные издержки. В отместку Могучий вызвал инспектора из района. В пятницу, в самый разгар предпраздничной уборки, инспектор явился и, руководимый Могучим, обследовал весь дом, от чердака до подполья, выискивая нарушения арендного договора по части ремонта. Разыскать их было не трудно: несмотря на все любовные Саввины гвоздочки, подпорки и планочки, прогнившее деревянное строение год за годом крошилось, как черствы заплесневевший ломоть.

На кухне, среди вздыбленных кверху ножками стульев, кроваво-полосатых тюфяков и потоков вспененной воды, инспектор на гладильной доске, положенной поперек окоренка, составил укоризненный акт. Напрасно Савва, бормоча насчет дороговизны строительных материалов и неисправного платежа жильцов, совал судебный исполнительный лист, свою пенсионную книжку с отметками о тридцатисемирублевом пособии и справку о сорока годах производственного стажа, - все домовые изъяны были неукоснительно занесены в акт, а заключение инспектора и скрипнувший росчерк его вечного пера не оставляли никакой надежды. Адольф Могучий, стоявший подле, вежливо осведомлял со своей стороны, что принадлежность Пантелеева к индустриальному пролетариату более чем сомнительна, поскольку старик в данное время торгует всякой рухлядью на Тишинском рынке, и что все вообще арендаторское семейство находится на грани полного морально-политического разложения. Понизив голос до почтительного шепота, он сообщил, что старший сын Пантелеева за причастность к оппозиции был в свое время исключен из партии и только в прошлом году возвратился домой. Инспектор молча выслушал все это, сложил акт и, щелкнув замочком портфеля, направился к выходу. Могучий, легко ступая ботинками в серых гамашах, кинулся за ним, но на пороге быстро обернулся, показал Савве язык и, погрозив кулаком, скрылся.

Старик весь день молчал. Вечером, притаив, как всегда, два ведра воды с колонки и заложив корму боровку, помещавшемуся в дровяном сарайчике, он улегся спать на своей узкой койке; как всегда, повернулся лицом к стене. Всю ночь в комнате шло движение. Поздно вернулась из кино младшая дочь, комсомолка Зина, и, лукаво косясь в сторону спящей матери, на цыпочках, чуть пританцовывая, прошла к себе за перегородку. Последний сын, Валька, второступенец, хромой от детского паралича, большеротый, с нежными глазами горбуна, часов до двух сидел за столом над "Тремя мушкетерами"; дочитал до конца, долго и неподвижно смотрел прямо перед собой, изредка пошмыгивая носом; отсветы добрых улыбок скользили по его лицу; потом осторожно пробрался к широкому продавленному, в горах и ямах, дивану, повернул поблизости выключатель; не раздеваясь, ничем не покрывшись, свернулся на диване, тотчас же заснул. Среди ночи заплакала во сне шестилетняя внучка Эдвардочка, бабушкина